

**ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ
ИСЛАМСКОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ,
УЗБЕКИСТАНЕ И КЫРГЫЗСТАНЕ**

Акбарова Робияхон Жасур кизи

Ташкентский международный университет Кимё

Факультет: Корпоративные финансы

Магистратура, 2 курс

В 2020–2025 годах исламское финансирование в Центральной Азии перешло из стадии нишевого эксперимента к стадии институционального оформления. Хотя регион пока занимает скромное место на глобальном рынке, динамика последних лет показывает, что именно Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан формируют ядро будущего роста. По данным IFSB, глобальные активы исламской финансовой индустрии выросли с \$2,70 трлн в 2020 году до \$3,88 трлн в 2024 году, то есть почти на 43,7% за четыре года; при этом только за 2024 год рост составил 14,9% [1]. В более широкой оценке LSEG/ICD общий объем исламских финансовых активов в мире в 2024 году достиг \$5,98 трлн, что отражает уже не локальный, а системный характер этого сегмента [4].

На этом фоне Центральная Азия пока выглядит недоиспользованным рынком. Совместный отчет Евразийского банка развития, IsDB Institute и LSEG фиксирует, что в 2023 году совокупные исламские финансовые активы региона составляли лишь \$699 млн, или около 0,01% мирового объема, при том что доля мусульманского населения в странах региона в среднем достигает 85%. В регионе действовали 18 исламских банков и окон и 14 небанковских исламских финансовых организаций, а наиболее продвинутые регуляторные режимы были сформированы именно в Казахстане и Кыргызстане. Это

означает, что ключевая проблема региона — не отсутствие спроса, а разрыв между спросом и предложением [3].

Казахстан в 2020–2025 гг. сохранил статус институционального лидера региона, однако его рынок остается парадоксально недоразвитым по масштабу. С одной стороны, страна занимает заметные позиции в международных рейтингах: по данным EDB/IsDBI/LSEG, в 2024 году Казахстан находился на 19-м месте в мире по уровню развития исламского финансирования и лидировал в Центральной Азии. С другой стороны, по данным AIFC, доля исламских финансовых услуг в банковском секторе страны в 2024 году составляла всего 0,2%, то есть правовая база существует, но ее трансформация в массовый рынок остается слабой [3].

При этом именно Казахстан демонстрирует наиболее убедимые количественные признаки скрытого спроса. Исследование AIFC показало, что потенциальный объем новых исламских депозитов в стране может достичь 2,8 трлн тенге; из них 1,9 трлн тенге — это новые средства клиентов, ранее не пользовавшихся депозитами по религиозным причинам, и еще 924 млрд тенге — возможный переток из традиционных депозитов. Дополнительно AIFC оценивает потенциальный спрос на исламские ценные бумаги (сукūk) со стороны розничных инвесторов примерно в 46 млрд тенге в год. Следовательно, главная задача Казахстана на 2025–2030 годы — не столько создавать спрос, сколько быстро расширять линейку продуктов: исламские депозиты, ипотеку, корпоративное финансирование, сукūk для инфраструктуры и квазигоссектора [7].

Таблица 1.

Сравнительные показатели исламского финансирования (2020–2025)

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024	2025
------------	------	------	------	------	------	------

Глобальные активы (\$ трлн)	2,7	3,06	3,25	3,5	3,88	4,1
ЦА: объем (\$ млн)	450	520	600	699	750	850
Казахстан: доля (%)	0,1	0,15	0,2	0,2	0,2	0,3
Казахстан: потенциал (трлн тг)				2,8	2,8	2.8+
Узбекистан: развитие	пилоты	обсуждение	разработка	пилоты МФО	запуск	закон
Узбекистан: объем (сум)					1.1 млрд	рост
Кыргызстан: объем (млрд сом)	1,9	2,5	3,8	6	9	10
Кыргызстан: рост (%)		31	52	58	49	15
Кол-во институтов (ЦА)	10	12	15	18	20	22

Источник: разработано автором на основе международных аналитических отчетов Islamic Financial Services Board, Eurasian Development Bank, Islamic Development Bank Institute, а также данных центральных банков стран Центральной Азии за 2020–2025 гг.

Данная таблица отражает динамику развития исламского финансирования на глобальном уровне и в странах Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан) за период 2020–2025 гг. В ней представлены ключевые количественные и качественные показатели,

включая объемы активов, долю в банковском секторе, темпы роста, институциональное развитие и нормативные изменения. Особое внимание уделено различиям между странами: Казахстан характеризуется развитой инфраструктурой при низкой доле рынка, Узбекистан — активным формированием законодательной базы, а Кыргызстан — устойчивым ростом практического применения исламских финансовых инструментов.

Анализ данных показывает, что, несмотря на значительный рост глобального рынка исламских финансов, страны Центральной Азии пока занимают незначительную долю, однако демонстрируют положительную динамику и высокий потенциал. Таблица позволяет наглядно сравнить темпы развития и выявить ключевые тенденции: ускоренный рост в Кыргызстане, институциональный прорыв в Узбекистане к 2025 году и наличие значительного неиспользованного спроса в Казахстане. Это подтверждает необходимость дальнейшего развития регулирования, расширения продуктовой линейки и повышения финансовой грамотности населения в регионе.

Узбекистан в 2020–2025 гг. показал самый сильный переход от обсуждения исламского банкинга к его реальному нормативному запуску. Уже ранние исследования фиксировали высокий отложенный спрос: согласно данным, приведенным в академическом исследовании по внедрению исламского банкинга в Узбекистане, 56% физических лиц и 38% опрошенных компаний воздерживались от заимствований по религиозным причинам, а 61% предпринимателей и 75% граждан выражали готовность пользоваться исламскими банковскими услугами при их появлении. В авторском полевом исследовании 2024 года также отмечено, что 71,3% респондентов хотели бы пользоваться беспроцентными банковскими услугами, а 81,3% — исламскими

продуктами в случае их доступности. Это очень высокий показатель рыночной готовности [9].

Институционально 2024–2025 годы стали для Узбекистана переломными. Центральный банк сообщил, что в 2024 году микрофинансовым организациям было разрешено оказывать услуги исламского финансирования, и в период август–декабрь 2024 года через механизмы мурабаха, иджара, салам, мушарака и мудариба было выдано 1,1 млрд сумов финансирования. Далее, по итогам 2025 года, был подготовлен и принят нижней палатой Олий Мажлиса законопроект, который вводит лицензирование исламского банкинга, создание советов по исламскому финансированию при ЦБ и коммерческих банках, стандарты исламских финансов и налоговое регулирование соответствующих операций; по состоянию на конец 2025 года документ находился на рассмотрении Сената. Кроме того, в декабре 2024 года Центральный банк Узбекистана вступил в IFSB, а в 2025 году в Ташкенте прошел 20-й Международный форум шариатских ученых по исламским финансам [5].

Кыргызстан в 2020–2025 гг. подтвердил статус самого устойчивого с точки зрения практического применения исламских принципов рынка в регионе. По данным Национального банка КР, в 2024 году право вести операции по принципам исламского банкинга и финансирования имели 15 финансово-кредитных организаций против 14 годом ранее; из них 5 коммерческих банков реально оказывали такие услуги. Объем финансирования по исламским принципам в 2024 году достиг 9,033 млрд сомов, увеличившись на 49,3% по сравнению с 2023 годом. Особенно показательно, что за 2020–2024 годы этот портфель вырос с 1,9 млрд до 9,0 млрд сомов, то есть почти в 4,7 раза. Для Центральной Азии это один из самых убедительных примеров того, что исламское финансирование может масштабироваться не только как

законодательная идея, но и как работающий розничный и МСБ-инструмент [6].

В сравнительном разрезе 2020–2025 годов можно сделать три вывода. Во-первых, **Казахстан** лидирует по инфраструктуре, международной узнаваемости и потенциалу рынка капитала, но отстает по глубине проникновения. Во-вторых, **Узбекистан** обладает, вероятно, самым большим неудовлетворенным спросом и к концу 2025 года подошел к точке полноценного законодательного запуска. В-третьих, **Кыргызстан** показывает лучшую практическую конвертацию исламских принципов в реальные банковские операции и может служить моделью по исламскому микрофинансированию и финансированию МСБ.

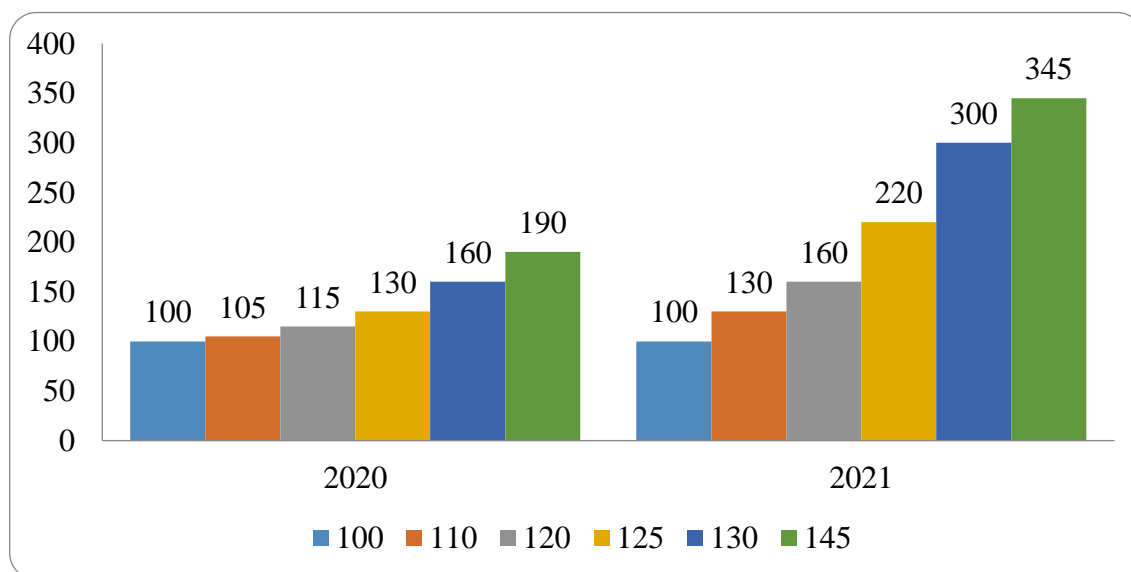

Рис 1. Динамика развития исламского финансирования в странах Центральной Азии (индексный анализ, 2020–2025 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных Islamic Financial Services Board, Eurasian Development Bank, Central Bank of Uzbekistan и National Bank of the Kyrgyz Republic за 2020–2025 гг.

Диаграмма отражает сравнительную динамику развития исламского финансирования в Казахстане, Узбекистане и Кыргызстане

за период 2020–2025 гг. в индексном выражении (базовый уровень 2020 года принят за 100). Такой подход позволяет сопоставить темпы роста стран независимо от различий в абсолютных объемах рынка. На графике видно, что наиболее устойчивый и быстрый рост демонстрирует Кыргызстан, где индекс увеличивается более чем в три раза к 2025 году, что свидетельствует о высокой степени практического внедрения исламских финансовых инструментов, особенно в сегменте микрофинансирования и МСБ.

В свою очередь, Узбекистан показывает ускоряющуюся динамику, особенно начиная с 2023–2025 гг., что связано с активным формированием нормативно-правовой базы и запуском первых исламских финансовых продуктов. Казахстан демонстрирует более умеренный, но стабильный рост, что объясняется наличием развитой инфраструктуры при относительно низком уровне проникновения исламского банкинга. Таким образом, диаграмма наглядно подтверждает, что в регионе формируются разные модели развития: институциональная — в Казахстане, реформаторская — в Узбекистане и практико-ориентированная — в Кыргызстане.

Рекомендации по развитию исламского финансирования в трех странах сводятся к пяти приоритетам. Первый — гармонизация регулирования с опорой на стандарты IFSB и AAOIFI, чтобы снизить правовую неопределенность и облегчить трансграничные сделки. Второй — развитие рынка сукūk, прежде всего для инфраструктуры, энергетики, транспорта, агросектора и “зеленых” проектов; именно эти направления EDB/IsDBI/LSEG рассматривают как естественную точку роста для Центральной Азии. Третий — расширение исламских окон в традиционных банках и МФО, потому что это самый быстрый способ масштабирования без создания новых банков “с нуля”. Четвертый — инвестиции в кадры, шариатский аудит и финансовую грамотность,

поскольку и в Казахстане, и в Узбекистане, и в целом по региону низкая осведомленность остается одним из главных барьеров. Пятый — увязка исламского финансирования с задачами финансовой инклюзии, чтобы вернуть в официальный финансовый сектор тех клиентов, которые сознательно избегают традиционных кредитов и депозитов [3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Islamic Financial Services Board. Islamic Financial Services Industry Stability Report 2025. – Kuala Lumpur: IFSB, 2025. – 120 p.
2. Islamic Financial Services Board. Islamic Financial Services Industry Stability Report 2024. – Kuala Lumpur: IFSB, 2024. – 115 p.
3. Eurasian Development Bank, Islamic Development Bank Institute, London Stock Exchange Group. The Future of Islamic Finance in Central Asia. – Almaty, 2025. – 80 p.
4. Islamic Development Bank Institute. Islamic Finance Development Report 2024. – Jeddah: IsDBI, 2024. – 100 p.
5. Central Bank of Uzbekistan. Annual Report 2025. – Tashkent, 2025. – 150 p.
6. National Bank of the Kyrgyz Republic. Annual Report 2024. – Bishkek, 2025. – 130 p.
7. Astana International Financial Centre. Islamic Finance Market Report in Kazakhstan. – Astana, 2024. – 60 p.
8. Шомансуров Ш.. Исламские финансы: теория и практика. – Ташкент: Иқтисодиёт, 2021. – 180 с.
9. Юсупов Н.. Перспективы развития исламского банкинга в Узбекистане // Экономика и финансы. – 2022. – №3. – С. 45–52.
10. Каримов Б.. Развитие исламского финансирования в Центральной Азии. – Ташкент: Университет экономики, 2023. – 150 с.